

УДК 94(47).081

Монякова О.А.

Шуйский государственный педагогический университет

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИИ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (1864-1884): ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

О. Монуякова

Shuya State Pedagogical University

THE PARTICIPATION OF THE ORTHODOX CHURCH AND THE ZEMSTVO IN THE FORMATION OF AN ELEMENTARY PUBLIC EDUCATION IN RUSSIAN PROVINCES (1864-1884): EXPERIENCE OF MUTUAL RELATION

Аннотация. В статье проводится анализ эволюции взаимоотношений провинциальных структур Русской православной церкви и земских органов самоуправления в области организации начального народного образования в период его становления до выделения в 1884 г. из его системы церковно-приходской школы, и влияния характера этих отношений на результативность образовательного процесса.

В отечественной историографии до сих пор в тени остается проблема динамики зависимости результатов дела народного образования от уровня и характера взаимодействия земских учреждений и духовного ведомства на образовательном пространстве российской провинции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, земство, начальное образование, церковно-приходская школа, взаимодействие.

Abstract. The article analyzes the evolution of the relationship of the provincial structures: the Russian Orthodox Church and local government bodies of Zemstvo - in the field of public education forming. The period described begins with the initial period of its formation and ends in 1884 when parochial schools were separated from secular schools. The article also describe the way these relations influenced the effectiveness of the educational process.

The Russian historiography still has not clarified the problem of dependence dynamics of the results of public education on the level and nature of the interaction of Zemstvo institutions and religious authorities in the educational area of Russian provinces.

Key words: Russian Orthodox Church, Zemstvo, primary education, parochial school, interaction.

До появления земств юридическими правами на открытие школ в сельской местности Российской империи обладали: духовенство (по Указу Св. Синода от 29 октября 1836 г.), Министерство государственных имуществ (на основе постановления от 23 ноября 1842 г. об учреждении сельских приходских училищ) и сельские общества (по указу от 19 февраля 1861 г.).

1864 г. знаменателен появлением нового субъекта образовательного процесса в провинции – земских органов самоуправления, которым суждено в последующем стать одним из ведущих игроков на этом поле. Придя по воле государства на образовательное пространство, земство застало там двух основных участников процесса – Министерство народного просвещения и Святейший Синод. Еще до появления земств этим двум ведомствам было свойственно состояние соперничества в области начального народного образования, которое в некотором роде стимулировало динамику их деятельности [6, с. 100-107]. Земские органы самоуправления, постепенно вплотную занявшиеся, в том числе, и вопросами народного образования в провинции, как бы приняли от Министерства народного просвещения эстафету взаимоотношений конкурирующего характера с духовным ведомством в этой сфере. Именно

© Монякова О.А., 2012.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы». ГК № П 563 от 17 мая 2010 г

взаимодействие между земством и духовным ведомством стало определять весь ход развития начального образования в земских губерниях империи. Наиболее тесно их интересы смыкались на уровне уездной провинции, так как основными практическими организаторами начальной школы на местах являлись уездные земства и приходские причты. Таким образом, главной задачей данной работы является анализ эволюции взаимоотношений провинциальных структур духовного ведомства и земских органов самоуправления в области организации начального образования народа в период его становления, до выделения в 1884 г. из его системы церковно-приходской школы, и влияния характера этих отношений на результативность образовательного процесса.

Следует отметить, что в историографии накоплен опыт изучения как истории земской, так и истории церковно-приходской школы. При этом приоритетное внимание уделялось анализу преимуществ каждой из систем, ее влиянию на ход образовательного процесса, их борьбе между собой. До сих пор в тени остается проблема динамики зависимости результатов дела народного образования от уровня и характера взаимодействия земских учреждений и духовного ведомства, особенно на уездном уровне. Между тем для комплексного исследования развития народного образования в дореволюционной России как базиса для формирования целостного культурно-образовательного пространства анализ отношений между церковью и земством на образовательном поле имеет большое значение с целью выявления положительных примеров совместных действий [7, с. 161-170].

Два исторических документа, принятых к действию в один и тот же 1864 г. с разницей в полгода, соединили на начальном этапе земских деятелей и духовенство в одном большом деле – организации школы для обучения и просвещения многомиллионного безграмотного российского народа. Это само Положение о земских учреждениях, которое в ст. 23 и 24 допускало священнослужителям

возможность быть избранными в гласные уездных земских собраний [10]; и Положение о начальных народных училищах 1864 г. [9, т. 39, № 41068], определившее в ст. 19 состав уездных и губернских училищных советов. Согласно этой статье, в уездный училищный совет наряду с членами от МНП и МВД входили два представителя от местного уездного земского собрания и один от православного духовенства; а губернский училищный совет составляли: епархиальный архиерей как глава совета, губернатор, директор народных училищ и два члена от губернского земского собрания. По идее, как писал В.З. Смирнов, губернские и уездные училищные советы должны были устранить антагонизм, существовавший между различными ведомствами по вопросам управления и руководства народными училищами, объединить все заинтересованные ведомства и общества [15, с. 147].

Наиболее тесное соприкосновение в работе по организации процесса начального образования было у земцев с представителями духовенства на уровне уездных училищных советов. Тем более что в отличие от губернского, должность председателя уездного совета была выборной. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры показывают, что немало священнослужителей было избрано председателями уездных училищных советов. Кроме того, некоторые из них являлись одновременно и гласными местных земских собраний. Например, в первый состав Ковровского уездного училищного совета Владимирской губернии в 1866 г. были избраны благочинный города Коврова С.А. Архангельский и губернский секретарь И.М. Крамаревский, оба гласные Ковровского земства¹.

По замечанию Е.Н. Медынского, и мы с ним согласимся, уездные училищные советы являлись довольно живыми организациями, в отличие от губернских [5, с. 254], так как в их ведении находились заботы о конкретных начальных училищах, которые надо было

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 1667. Л. 12.

снабжать учебными пособиями и принадлежностями, обеспечивать учительскими кадрами и пр. Но не поддержим мы уважаемого историка образования в том, что единственной причиной активной позиции уездных училищных советов он считал наличие в их составах представителей от земства. Архивные и другие источники свидетельствуют, что не менее активную позицию в этих советах занимали и представители духовного сословия. В целом, анализируя деятельность уездных училищных советов, можно выявить одну общую тенденцию, а именно сильную зависимость результатов их деятельности от персонального состава. Если в составе уездного совета находилась личность или личности с активной гражданской позицией, выражаясь современным языком, искренне заинтересованные в просвещении простого народа и повышении его культурного уровня, независимо от сословной и ведомственной принадлежности, там заметны были достижения в образовательной сфере. Например, инициатором открытия начального училища в с. Спасском Любимского уезда стал председатель местного училищного совета и земский гласный прот. Павел Никольский [18, с. 19-21].

Таким образом, одной из изначальных форм взаимодействия представителей православной Церкви и земского самоуправления на начальном образовательном поле российской провинции стала их совместная работа в уездных училищных советах.

Кроме того, Положение 1864 г., с которого и началось взаимодействие православной Церкви и земства на образовательном пространстве, объединило все ведомственное разнообразие существовавших на тот момент в России элементарных училищ и школ под одним общим понятием – «начальное народное училище», куда вошли и церковно-приходские школы и только предполагаемые к созданию земские. Все они должны были решать одну и ту же задачу «утверждения в народе религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний» и работать по единому учебному плану.

Следовательно, в начале совместного пути церковь и земство находились, в общем-то, в одинаковых правовых условиях и под началом одних и тех же училищных советов, которые должны были наблюдать за учебной частью всех школ, в том числе и духовного ведомства.

В плане выстраивания будущих отношений между духовным ведомством и земскими деятелями принципиальное значение имеют, на наш взгляд, первые земские собрания, как уездные, так и губернские, и принятые ими решения.

Так, Владимирское губернское земское собрание декабря 1866 г. достаточно много времени посвятило положению дел в образовании. Из его первых постановлений хорошо видно, что земцы в самом начале пути не разделяли школы по ведомственной принадлежности, а рассматривали их как единое целое, включая в него и церковные школы [13, с. 1-7].

Показательна в этом отношении позиция земских деятелей некоторых уездов Тверской губернии, которые, по аналогии с Юрьевским земством во Владимирской губернии, решили передоверить дело начального образования в своем уезде церковно-приходским попечительствам, созданным по Положению от 2 августа 1864 г. [14, с. 607]. Очередное земское собрание 1866 г. в Тверском уезде постановило, что раз «приходские попечительства открывают училища на свои средства и что таковых попечительств может образоваться в уезде по числу приходоу 69, ассигновать на каждое по 50 руб., а всего 3150 руб.» [3, с. 413]. Период увлечения тверских земцев церковно-приходскими попечительствами длился примерно до 1870 г., когда, убедившись в его бесперспективности, они сменили свою тактику. Собрание 1868 г. констатировало, что из 69 предполагаемых попечительств в Тверском уезде организовано только 10, и из них лишь 8 обратились к земству за пособием для открытия училищ.

Специально проведенное нами исследование по проблеме участия попечительств в деле народного образования позволило уста-

новить, что положение в Тверском уезде было типичным для всей России. Организация попечительств, по словам киевского митрополита Арсения, продвигалась в России «черепашьим ходом». В абсолютном большинстве епархий удалось создать их считанные единицы [12, с. 352-353].

Учитывая, что субъекты образовательного процесса в своей деятельности руководствовались одним и тем же Положением 1864 г., подчинялись одним и тем же училищным советам, отличия между церковными и так называемыми земскими школами на тот период заключались лишь в механизме их материального обеспечения. Училища, которые позднее назовут земскими, открывались, как правило, при содействии сельских обществ и пособий от земств на учебные принадлежности и вознаграждение учителям; церковно-приходские в это время также существовали на средства крестьянских обществ и иногда помощи от земства, только вместо нанятых учителей преподавали в таких школах священники или другие члены причта или окончившие курс духовных училищ, практически бесплатно. Размещались церковно-приходские школы главным образом в церковных домах. В силу последних обстоятельств, а именно то, что церковные школы не требовали лишних затрат при найме помещения и учителей, они становились даже привлекательней для земских органов в уездах, бюджеты которых в начальный период их деятельности были более чем скромными. Пример тому находим у Бежецкого уездного земства в Тверской губернии, которое постановило, начиная с 1868 г., открывать в каждой волости по несколько церковно-приходских школ [3, с. 32-33]. Подобный же подход к организации школ на местах без различия их ведомственной принадлежности был принят к руководству Кашинским земством Тверской губернии, начиная с 1868 г. В основу этого подхода был положен критерий затрат на школу: чем их меньше, тем лучше, т. к. большее количество школ можно устроить, не обращая внимание на качество обучения в них [4, с. 1021-1022].

Именно материальные причины, а точ-

нее отсутствие у первых земств достаточных средств на открытие и поддержание начальных школ в своих уездах, детерминировали такое отношение земских деятелей к церковным школам на первоначальном этапе: когда, вполне сознавая их недостатки, земцы тем не менее полагали, что и они могли бы послужить делу народного образования, так как требовали меньше всего затрат и были привлекательнее для крестьян по причине приближенности к дому.

Таким образом, начальный период совместной деятельности духовенства и земства в области начального народного образования, который хронологически укладывается в пятилетие от первых земских собраний до начала 1870-х гг., можно охарактеризовать как мирный, хотя сами земские деятели называли это пятилетие организационным. Не трудно понять, почему первые пять лет совместной работы земства и православной Церкви по образованию народа были столь спокойными и не нарушались взаимными упреками и поисками недостатков друг у друга. Объяснение такому положению дел можно найти и в материалах земских собраний. Например, тверские земцы объясняли это так: «Земство в начале своей деятельности совсем не знало, как ему приняться за дело народного образования. Всю надежду оно возлагало на духовенство и стремилось и словом и делом поддержать церковно-приходские школы...» [3, с. 416]. Духовенство, а точнее его лучшие представители, также не осталось в стороне. И, как признавались все те же деятели тверского земства, «теперь далеко не единичны случаи, где причты и особенно священники являются энергичными помощниками земства и жертвуют на школы не только свои труды, но и средства; немало примеров, где благодаря их влиянию появляются новые школы» [3, с. 416].

Если во второй половине 1860-х гг. образовательный аспект земской деятельности только намечался, то в 70-е гг. происходит становление теоретических взглядов земства на образование и делаются попытки их практического воплощения в жизнь [8, с. 99].

Понятие «земская школа» в этот период уже сформировалось и прочно вошло в обиход заинтересованных кругов. Хотя дореволюционные исследователи предпочитали называть ее «земско-общественная» школа, и были правы, так как земских училищ в чистом виде, содержащихся исключительно на средства земства, практически не существовало. В принципе земства уже могли себе это позволить в связи с тем, что их бюджеты за 15 лет деятельности выросли в среднем в 6,5 раз [1, с. 22].

Тем временем собственно церковно-приходские школы духовенства постепенно слабели и вытеснялись земско-общественными [11, с. 1373]. Таким образом, развитие земско-церковных отношений на начальном образовательном пространстве российской провинции в 1870-е гг. происходило на фоне стабильного роста количества земско-общественных начальных училищ при одновременном сокращении численности церковно-приходских школ. Кроме того, с середины 1860-х гг. многие земства стали обращаться в Министерство народного просвещения с ходатайствами о введении обязательности начального обучения¹.

Не могло не сказаться на взаимоотношениях в провинции между земскими учреждениями и местными епархиальными структурами принятие нового Положения о начальных народных училищах 25 мая 1874 г., которое, оставляя земские и церковные начальные школы в той же системе подчиненности училищным советам, при этом усилило светский элемент в механизме функционирования начальных школ в России [9, т. 49, ч. 1, № 53574]. Выразилось это в том, что председателями губернских училищных советов вместо архиереев стали губернские предводители дворянства, а в уездных советах было ликвидировано выборное начало, их председателями могли быть только предводители местного уездного дворянства (§ 27). Таким образом, духовенство было лишено возможности руководить организацией

начального образования в уездах, для них государство оставляло только надзирающую функцию. При этом заявлялось, что участие духовенства в народном образовании «остается неизменным», а Положение 25 мая 1874 г. «упрочивает влияние пастырей Церкви на эти школы», вверяя высшее наблюдение за религиозно-нравственным направлением местному архиерею, «и вообще сохраняет за духовенством право участия в управлении народными училищами» [16, с. 80]. Разногласия и борьба за главенство между светскими и церковными высшими кругами нагнетала обстановку в провинции.

Нельзя оставить без внимания и такой существенный внешний фактор воздействия на характер земско-церковных отношений в области народного образования как начавшееся в 1870-х гг. знаменитое «хождение в народ» представителей революционной разночинной интеллигенции. Идея перехода к социализму через сохранение и преобразование русской сельской общины, высказанная в конце 1840-х - начале 1850-х гг. А.И. Герценом, затем Н.Г. Чернышевским, становилась все более популярной среди передовой интеллигенции. Молодежь шла в деревни работать учителями, фельдшерами, писарями, чтобы пропагандировать среди крестьян народнические идеи. В начальной школе видели они широкие возможности для пропаганды своих идей. Эта попытка использовать сельскую школу в пропагандистских целях сыграла роль катализатора, обострившего до того относительно спокойные отношения между земскими учреждениями и духовным ведомством в провинции.

Именно в это время в некоторых местных средствах информации появляются статьи, свидетельствующие о встревоженности духовенства складывавшейся в образовании ситуацией на фоне сложной политической обстановки в стране. Подтверждением тому – газетная полемика, разгоревшаяся в первой половине 1870-х гг. во Владимирской губернии. Например, автор статьи во «Владимирских епархиальных ведомостях» свящ. А. Белоцветов из г. Киржача начал ее такими

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 27. Д. 825.

словами, вобравшими в себя суть сложившейся на тот момент ситуации: «Да, смеяться над школами, содержимыми духовенством можно, ... но справедливо ли ... Кому как не духовенству, обязано знанием грамоты все наше крестьянство ...». В статье нет критики деятельности земских учреждений, наоборот, земство позиционируется как источник материальной поддержки церковных школ, и чтобы он не иссяк, духовенство должно повернуться лицом к новым методам обучения, «должно – нравственно обязано, в интересах как религиозных, так и самого общества, встрепенуться ныне особенно, и всеми мерами постараться удержать за собою заправление народным образованием. Но только для этого ему необходимо распротиться с прежним методом обучения грамоте и приняться за новый» [2, 1871, № 6].

Но уже несколько месяцев спустя в этой же газете появилась публикация совершенно иной направленности, с острой критикой проводимой местными уездными земствами политики в области начального образования, которая характеризовалась как слабая. В ней говорилось о том, что «преподавание в народных школах ... шло и идет до сих пор до того неудовлетворительно, что крестьяне утратили к земским школам всякое доверие». Причиной такого положения выдвигается «равнодушие к делу цивилизации низших слоев населения» [2, 1871, № 18]. Правда, статья эта написана не местными духовными деятелями, а была перепечатана из газеты дворянско-консервативной направленности «Русский Мир».

Из имеющихся в нашем распоряжении публикаций в местной периодической печати, как земской, так и епархиальной, можно сделать заключение, что это была полемика не между земцами и священнослужителями. Духовенство защищалось от тех нападок, которые градом посыпались на его голову со стороны народнически настроенной части общества. Земство практически не принимало участия в этой полемике. По крайней мере, мы не встретили в земских средствах информации публикаций, направленных

против деятельности местного духовенства на поприще образования. Наоборот, местные губернские ведомости печатали заметки об успехах народного образования в различных уездах, и причиной тому была согласованная деятельность местного приходского священника и земской управы [2, 1879, № 15].

По-иному складывалась в этом вопросе ситуация в Тверской губернии. Здесь все было наоборот – самые жаркие дебаты по вопросу отношения к церковно-приходской школе разгорелись в земских собраниях, а духовенство отмалчивалось. Его печатный орган, наоборот, публиковал заметки об открытии новых начальных училищ в селах благодаря союзу земства и церкви, на подобие следующей: «Освящение нового училищного дома в с. Селихове Корчевского уезда». «19 июня 1877 г. освящен был местным священником и законоучителем новый 2-этажный дом для 3-х классового училища. Корчевское земство употребило от себя на этот дом до 800 руб., а разные строительные материалы... были частью от Селиховского общества, частью от жертвователей частных, так что весь дом стоит не менее 3 тысяч руб. Школа существует в Селихове лет 40... Г. председатель Корчевской управы Кривоблоцкий, человек энергичный и образованный, давно обратил внимание свое на эту школу и много содействовал вместе с членами Управы благосостоянию ее и устройству нового здания. Давно все мы чувствовали потребность устроить приличное здание; но трудность и недостаток местных средств пугали нас. Теперь же дружное, общее единодушие всех, по предложению и содействию земских деятелей, придало нам силу и бодрость, и возбудило каждого из нас к скорейшему окончанию построения» [17, с. 277-279].

В отличие от коллег, например, из Владимирской губернии, тверские земцы активно обсуждали на своих собраниях вопрос о значении церковной школы для развития начального обучения в России. Анализ материалов губернских и уездных земских собраний 1876-1880 гг. позволяет вычленить несколько основных моментов в позиции деятелей зем-

ского самоуправления Тверской губернии по данной проблеме.

Во-первых, они полагали (и в некоторых уездах, например, в Весьегонском, Кашинском, Калязинском и Старицком, осуществляли это на практике), что важным подспорьем в деле всеобщего обучения являются «крестьянские школы грамотности» или школы грамоты, как их назовут позднее. Тверское губернское собрание 1877 г. в согласии с уездными земскими деятелями пришло к убеждению, что «осуществление силами одного земства, посредством учреждения земских школ, всеобщего обучения невозможно» [3, с. 1034-1035]. Во-вторых, точно такую же позицию тверские земцы заняли и в отношении церковно-приходских школ. Считая их более низкими по уровню преподавания и менее обеспеченными по содержанию по сравнению с земскими училищами, они, тем не менее, признавали их необходимость в деле всеобщего образования народа, как раз в силу их дешевизны. По этой причине губернское собрание 1881 г. рекомендовало уездным земствам последовать примеру Новоторжского уездного земства, которое, выделив всего 728 руб., в сотрудничестве с местными церквями и их прихожанами, смогло на эти весьма скромные деньги открыть в уезде 10 церковно-приходских школ [3, с. 1078-1079]. Земским школам в таком раскладе предназначалась роль образцовых училищ или школ повышенного типа, где могли бы продолжить свое образование выпускники школ грамотности или церковно-приходских. Но одно важное условие при этом, по мнению, деятелей тверского земского самоуправления, должно оставаться неизменным: и школы грамотности, и церковно-приходские школы в учебно-воспитательном процессе должны были оставаться под контролем земства и училищных советов.

Таким образом, мы можем выделить следующие 10 лет совместного существования земских и церковных школ на образовательном пространстве Верхневолжских губерний как второй этап их взаимоотношений, который, несмотря на все имевшиеся внешние

факторы воздействия, также не был отмечен острыми конфликтными ситуациями, за исключением отдельных проявлений, как например, во Владимирской губернии, которые были скорее вызваны публикациями в средствах информации, направленными большей частью против отсталых, не дающих результата методов обучения в церковной школе. Духовенство выступало в роли ответчика, но нападающей стороной было не земство, а революционизированная часть общества. И еще следует отметить тот момент, что поводы для разногласий были привнесены извне, из Центра, а не созрели внутри, о чем свидетельствуют статьи в местной периодике, являвшиеся в основной своей массе перепечатанными из центральных изданий.

С вступлением в силу в 1884 г. Правил о церковно-приходских школах начался новый этап взаимоотношений Русской православной церкви и земства на образовательном пространстве российской провинции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы, культура. – М., 1998. – 164 с.
2. Владимирские епархиальные ведомости. – 1871. – № 6; № 18; 1879. – № 15.
3. Материалы для истории Тверского губернского земства Т. V. – Тверь, 1909. – 781 с.
4. Материалы для истории Тверского Губернского земства. 1866-1908. Т. VIII. Сост. И.К. Гудзь. Под ред. А.Н. Полтева. – Тверь: Тип-я Тверской губернской земской управы, 1910. – 1106 с.
5. Медынский Е.И. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Госучпедгиз, 1938. – 512 с.
6. Монякова О.А. Образовательные реалии провинциальной России накануне реформ 1860-х гг.: духовный и светский аспекты (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Образование и общество. – 2012. – № 1. – С. 100-107.
7. Монякова О.А. Церковь и земство в формировании уездного образовательного пространства. Историографический обзор // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 161-170.
8. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60 - 70-х годах XIX в. Лекции по спецкурсу. – Горький: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1974. – 167 с.

9. Полное собрание законов Российской империи - 2. 1864. - Т. 39. - 973с.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. - СПб., 1864. - 18с.
11. Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов за 1841, 1851, 1861, 1871, 1881 и 1890-91 годы. Сравнительный обзор // Церковные ведомости. - 1894. - № 39.
12. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х гг.). - М., 1999. - 567 с.
13. Сборник Постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866-1895 гг. Т. IV. Народное образование. - Владимир-на-Клязьме: Типо-Литография губернской земской управы, 1905. - 204 с.
14. Сборник узаконений, относящихся до земских учреждений (по своду законов и продолжением издания 1886 года), с включением решений Правительственного Сената и правительственных разъяснений и с приложениями Городового Положения. Сост. И. Андогский. - СПб.: Тип-я Е. Евдокимова, 1888. - 995 с.
15. Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. - М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954. - 311 с.
16. Стаферова Е.Л. Образование и религия в 1860-1870-е годы: взгляд из Министерства народного просвещения //Российская история. - 2010. - № 6.
17. Тверские епархиальные ведомости. - 1877. - № 15.
18. Ярославские епархиальные ведомости. - 1876. - № 3.